ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

LINGUISTIC WORLDVIEW

УДК 81`22

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-8-15

Малгожата Лучик,
Зелёногурский университет
(г. Зелёна-Гура, Польша),
e-mail: malgorzata@luczyk.pl

Концептуальная, языковая и поэтическая картины мира: общечеловеческое, национальное и индивидуальное

В статье устанавливается отличие концептуальной, языковой и поэтической картин мира, показывается, как сложно и неожиданно переплетено в них национальное и индивидуально-специфическое. Данная проблема является актуальной для современной лингвистики, т. к. позволяет дифференцировать названные картины мира и понять их национальную специфику. Методами исследования были избраны лингвокультурологический анализ текста, неструктурированное наблюдение, комментирование, интерпретационный анализ материала. В статье показано, что любой язык включает в себе специфический для данного народа путь концептуализации мира, и, хотя границы между концептуальной и языковой картинами являются неопределёнными, у них есть общее: обе они включают интерпретацию отображения мира. Концептуальная картина мира в сопоставлении с языковой картиной мира в большей степени представляет глобальный общечеловеческий и всечеловеческий образ мира. Языковая картина мира более антропоцентрична, в ней центральное место отведено человеку, его миропониманию. Каждый язык по-разному вербализует мир в зависимости от национальной точки зрения на него. Любой язык направляет мышление его носителей по тому руслу, которое предопределяется мировидением, заключённым в языке. Языковая картина мира каждого народа не только отображает современную ментальность нации, но и включает в себя фольклорные, мифологические, архетипические элементы, а потому может быть реконструирована как через анализ языковых единиц, так и через национальные ключевые концепты, стереотипы, философские и художественные тексты. И если языковая и концептуальная картины мира универсальны по своему существу, а их творцом выступает весь народ, то поэтическая – индивидуальна, создаётся в текстах одного человека, носителя конкретного языка. В статье показано, что языковая картина мира и картина мира, реконструируемая на материале поэтических текстов, сопоставимы, но не идентичны. Поэтическая картина мира как вариант языковой и концептуальной не отображает реальность, а напротив, она её затемняет, показывает иначе, в новом свете.

Ключевые слова: картина мира, знания, концептуальный анализ, языковая и поэтическая картины мира, национальное мировидение

Malgozata Luchik,
University of Zielona Góra
(Zielona Góra, Poland),
e-mail: malgorzata@luczyk.pl

Conceptual, Linguistic and Poetic Pictures of the World: Universal, National and Individual Features

The article shows the differences between conceptual, linguistic and poetic pictures of the world. It presents information on what is common to entire nations and what is specific and individual in the nations and how they are intertwined in an unexpected and complex way. The given problem is present in modern linguistics because it enables differentiation of the mentioned worldview and understanding their national specificity. The following

© Малгожата Лучик, 2019

research methods were selected: linguocultural text analysis, unstructured observation, commentary, and interpretative material analysis.

Any given language conceptualizes the world in a way specific to a given nation. And although the boundaries between the conceptual and linguistic pictures of the world are undefined, they have some parts in common, which is the interpretation of the reflection of the world. Conceptual picture of the world in comparison with the linguistic picture of the world presents to a greater extent a global, human, pan-human picture of the world. However, linguistic picture of the world is more anthropocentric; the central place in it is occupied by a man and his understanding of the world. Different languages verbalize the world in different ways depending on the native point of view. Any language directs the thinking of its users according to the way the world is perceived and reflected in their language. Linguistic picture of the world of each nation reflects not only the nation's contemporary mentality but also contains elements of folklore, mythology, archetypes, and therefore the worldview can be reconstructed not only through the analysis of linguistic units, but also through national concepts, stereotypes, philosophical texts and fiction. Assuming that linguistic and conceptual pictures of the world are universal and created by the whole nation, then the poetic picture of the world is individual, created in the texts of one person, a native user of a specific language. Thus, linguistic picture of the world and the picture of the world reconstructed in the poetic texts of a particular author are comparable, but they are not identical. The poetic picture of the world as a variant of the linguistic and conceptual pictures of the world does not reflect factual data, on the contrary it dims them, shows them in a different way, from a different perspective.

Keywords: mental models of the world, knowledge, conceptual analysis, linguistic and poetic pictures of the world, national worldview

Введение. Картина мира – важнейшее понятие для целого ряда наук – философии, антропологии, лингвокультурологии, лингво-концептологии, когнитивной лингвистики и др. В разных отраслях лингвистических знаний исследуется языковая картина мира. Со времён В. фон Гумбольдта известно, что любой язык по-своему членит мир, т. е. имеет собственный способ концептуализации мира. Это позволяет заключить, что картины мира, зафиксированные в этих языках, также имеют свою специфику, в соответствии с которой каждый носитель конкретной лингвокультуры строит свои высказывания о мире. Но при этом в картинах мира разных языков есть много общего: выделение объекта, субъекта, события и т. д. В. И. Постовалова утверждает, что внечеловеческих и всечеловеческих картин мира не бывает, поэтому каждая индивидуальная картина мира содержит хотя бы небольшую часть истины, понимаемую каждым по-своему. Она пишет: «В строгом смысле слова существует столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с миром» [6, с. 32]. Поэтому исследовать языковые картины мира легче всего в сравнении, учитывая одно и то же явление в разных языках.

Цель данной статьи – показать соотношение языковой и концептуальной картин мира; доказать, что поэтическая картина мира – самостоятельная её ипостась; выявить общее и индивидуальное в языковой и поэтической картинах мира.

Методология и методы исследования. В качестве методов использовались: лингвокультурологический анализ текста (например, для доказательства того, что *в слове содержится великая духовная энергия* – при ана-

лизе духовной поэзии); неструктурированное наблюдение (для описания картины в разной параметризации: пространственной, временной, количественной, ценностной); комментирование и интерпретационный анализ материала (для исследования русских и польских поэтических текстов).

Материалом для анализа стали стихи украинского и польского поэтов – Дм. Бурого, М. Светлицкого, высказывания о жизни Матери Терезы.

Результаты исследования и их обсуждение. Все знания человека о мире и самом себе (внешнем и внутреннем, эмоциональном, волевом и интеллектуальном), его мировидении и миропонимании, культуре, если они зафиксированы в языковых единицах, – это и есть языковая картина мира, которая может быть описана в разной параметризации: пространственной (верх – низ, восток – запад и т. д.); временной (зима – лето, утро – вечер); количественной (много – мало, толпа, стая, стадо), ценностной (добро – зло, семья, образование) и др. Формирование картины мира происходит в обществе под влиянием обучения, традиций, окружающей природы по мере постижения языка. Современное понимание картины мира основано на идеях В. Гумбольдта, Л. Вайсгербера, Б. Уорфа.

К настоящему времени появились исследования, посвящённые данной проблеме – работы Г. А. Брутяна, А. Вежбицкой, В. И. Карасика, Г. В. Колшанского, М. В. Пименовой, Н. И. Сукаленко, М. Блэка, Е. В. Урысон, Д. Хаймса, монография «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира» (1988) и др. Язык в их концепциях чаще всего понимается как инструмент, с помощью

которого мы можем думать о мире, поэтому ментально мы находимся в плену у языка и языковой картины мира. Языковая картина мира по-разному определяется авторами (работы А. Вежбицкой, В. И. Карасика, М. В. Пименовой и др.). Так, например, В. А. Маслова определяет картину мира как «...целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром» [4, с. 9].

Картина мира, будучи базисным понятием современной лингвистики, своей единичей имеет концепт, а польский антрополог Е. И. Бартминьский относит сюда ещё и стереотип [9, с. 64–66]. Действительно, обе эти единицы – ментально-лингвальные конструкции. Поэтому реконструкция концептов и выявление национальных стереотипов – это методы изучения картины мира. Нужно не просто исчислить и описать эти единицы, их необходимо соотнести с аналогичными в других лингвокультурах. Реконструкция концептов и анализ стереотипов помогает выявить особенности мировосприятия народа, установить национальную и общечеловеческую разновидности картины мира.

В современных исследованиях по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике различают языковую и концептуальную картины мира. До сих пор актуален вопрос об их соотношении. И здесь наблюдается ряд подходов. Согласно первому, языковая картина мира рассматривается как более широкое понятие. При втором подходе, наоборот, концептуальная картина мира признаётся более объёмной, широкой, т. к. все знания о мире представлены в языковой форме. Подобного взгляда придерживаются Г. Г. Почепцов, Б. А. Серебренников, В. Н. Телия и др.: «Концептуальная картина мира как совокупность определённым образом организованных концептов значительно шире и богаче языковой картины мира, поскольку сведения о мире кодируются не только вербально»¹. Согласно третьей концепции, утверждается совпадение, тождество языковой и концептуальной картин мира. Эту позицию отстаивает Г. В. Колшанский [2, с. 205]. Есть и другие подходы. Так, по Ю. Д. Апресяну, границы ЯКМ совпадают с границами семантической системы языка, соответственно, материалом для реконструкции ЯКМ служат только факты языка [1, с. 34]. При таком понимании ЯКМ ограничивается грамматическими, лексиче-

скими, фразеологическими значениями. Поэтому, например, пишут о «культурно-языковой картине мира»². Поскольку язык одновременно и зеркало, и орудие мозга, то и мир, и мозг может изучаться сквозь призму языка. Мы видим и познаём мир так, как позволяет наш мозг, соответственно, и наш язык. Об этом пишут современные исследователи Т. Негель, Т. В. Черниговская, Ж. И. Резникова и др. Говорят даже о «языковом инстинкте», т. е. о врождённой способности к языку, ищут ген языка, ищут поиски «ментальной грамматики», в которой нам дано некое пред-знание о мире, устроенном с языком по одной модели. Это своего рода грамматика мышления вообще, являющаяся базой для языка тоже. Есть гипотеза, что именно русский и арабский языки являются языками программирования мозга.

Язык – форма духовной энергии, это хорошо чувствуют поэты: *Истлеет прах, / Но не исчезнет дух. / Он, облеченный, / Как в твердыню, / В слово, – / Свечою трепетною / Вспыхнет снова / Из вечности / Поверх земных разлух*³. Энергия языка светоносна, т. к. в слове содержится великая духовная энергия – или энергия света и добра, или, напротив, чёрная энергия зла и смерти. Современные учёные подтверждают, что любое произнесённое слово есть не что иное, как волновая генетическая программа, влияющая как на нашу жизнь, так и на жизнь наших потомков.

Языковая картина мира не просто отображает мир, является его картиной, но и навязывает человеку определённый тип отношения к миру, его природе, самому себе. Она задаёт нормы поведения человека в мире: *...там не кричи – от крика в красный бубен / ударит полоумный надзиратель; / там нет родных. Закусывая губы, ты существуешь призраком в палате* (Дм. Бурого).

Языковая картина мира считается «наивной» из-за того, что она открыта, не завершена, не упорядочена с точки зрения здравого смысла, т. к. любой язык алогичен. Невозможно стоять под окном и под дверью, выражение «*группа продлённого дня*» также нельзя объяснить и проинтерпретировать с логической точки зрения. Кроме того, языковая картина мира хранит следы многих научных заблуждений, о чём свидетельствуют многочисленные примеры фразеологизмов,

¹ Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – С. 67.

² Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов. – М.: Гнозис, 2017. – С. 146.

³ Чарота И. А. Слово и дух. Антология русской духовной поэзии (X – XX вв.). – Минск: Свято – Елисаветинский монастырь, 2010. – С. 333.

охарактеризованные В. Н. Телия. Тем не менее такая картина полезна и нужна человеку как ориентир, т. к. в ней зафиксирован опыт многих поколений. Действительно, человек видит реальность именно сквозь призму языка, в котором отражены не только знания о мире, но и ценности, убеждения, потребности каждой языковой личности. Это позволяет сказать, что картина мира индивидуальна «по способу существования», хотя социально и этнокультурно обусловлена.

По удачному сравнению А. С. Турובה, субъект познания как будто водит вокруг себя лучом фонарика, выхватывая из темноты то одно, то другое явление, и именно от человека зависит, куда он направит этот луч, т. е. чем он заинтересуется. Этим можно объяснить различия в индивидуальных и национальных языках: наличие конкретных лакун, различия в коннотациях, в семантике слов разных языков, называющих одни и те же объекты реальности (*смородина* – у русских, *парэчкі* – у белорусов и *porzeczki* – у поляков).

Зафиксированные в слове компоненты культуры любого национального языка составляют основу языковой картины мира конкретного народа. В начале XXI века стало ясно, что именно язык направляет мысль своего носителя так, как предопределено самим языком.

Так формируется определённое национальное мировидение. Например, *в польском языке костюм лежит* (*garnitur leży*), *в русском – сидит*, *в немецком – стоит* (*Anzug steht gut*). Здесь мы наблюдаем не просто сочетаемостные различия, а различия в мировидении и даже в сознании носителей лингвокультур. Ребёнок, овладевая языком, вырабатывает свою картину мира, а потом смотрит на мир сквозь её призму, а также призму своих желаний, эмоций, чувств. Таким образом, «*между картиной мира, как отражением реального мира, и языковой картиной мира, как фиксацией этого отражения, существуют сложные отношения: границы между ними кажутся зыбкими, неопределёнными*» [3, с. 271]. Каждый язык по-разному вербализует мир в зависимости от национальной точки зрения на него. Любой язык направляет мышление его носителей по тому руслу, которое предопределяется мировидением, заключённым в их языке.

Как утверждает Г. Д. Гачев, каждый язык обусловлен особым космологосом. Любое слово несёт элемент национального мировидения. Так, белорусское слово *далонь*

(ладонь) созвучно, следовательно, связано этимологически либо в современности со словами *доля*, *даль*. Русское ладонь таких ассоциаций не вызывает.

Сравнение национальных языковых картин мира предполагает: 1) *описание национальной специфики* значений лексических и фразеологических средств языка, выявление в них семантических различий; 2) *сравнение ключевых концептов лингвокультур*; выявление в сходных концептах различного; 3) *выявление единичных концептов*, отсутствующих в других лингвокультурах, например, *авось* для русских и *честь* для поляков.

Именно анализ языковой картины мира позволил заключить, что многие психологи заблуждаются, опираясь в своих работах на такие понятия, как «гнев», «страх», «депрессия», рассматривая их как черты человеческой натуры, в то время как эти понятия являются культуроспецифичными. Так, истина принадлежит к числу важных ценностей Запада, а потому поиски истины являются составной частью их культуры. Между тем на свете есть много языков, где даже нет слов для обозначения понятий «истина» и «истинный». Это культурные лакуны. Выявляемые при этом национальные смыслы образуют некую национальную философию, которая навязывается через язык членам общества: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [7, с. 261]. Языковая картина мира каждого народа не только отображает современную ментальность нации, но и включает в себя фольклорные, мифологические, архетипические элементы, а потому может быть реконструирована как через анализ языковых единиц, так и через национальные ключевые концепты (Ю. С. Степанов), стереотипы (Е. Барминский), философские и художественные тексты. Например, по мнению Матери Терезы, жизнь предстает в следующих стереотипах, образах и представлениях:

– *Życie jest pięknem, podziwiał je.* (Жизнь – красота, увлекайся ею).

– *Życie jest radością, próbuj ją.* (Жизнь – это радость, попробуй её).

– *Życie jest snem, uczynj je prawdą.* (Жизнь – это сон, сделай правдой его).

– *Życie jest wyzwaniem, zmierz się z nim.* (Жизнь – это вызов, прими его).

– *Życie jest obowiązkiem, wypełnij go.* (Жизнь – это обязанность, выполни её).

– Życie jest grą, zagraj w nią. (Жизнь – игра, сыграй в неё).

– Życie jest smutkiem, pokonaj go. (Жизнь – это печаль, преодолей её).

– Życie jest hymnem, wyśpiewaj go. (Жизнь – это гимн, пой его).

– Życie jest przygodą, rzuć się w nią. (Жизнь – это приключение, отправься в него).

– Życie jest szczęściem, zasłuż na nie. (Жизнь – это счастье, заслужи его).

– Życie jest życiem, obroń je. (Жизнь – это жизнь, защити её).

Как видим, языковая картина мира, представленная в высказываниях Матери Терезы о жизни, – сложна, противоречива, неоднозначна. Обилие смыслов сродни непредсказуемости и зыбкости самой жизни. С одной стороны, жизнь – это красота, счастье, любовь, радость, приключение, игра, а с другой – печаль, вызов, обязанность и т. д. Сама жизнь побуждает нас к действию – печаль нужно преодолевать, выполнять обязанности, принимать её вызовы, заслуживать и т. д. Воспринимающий данную картину мира настраивается на определённый лад, для него само восприятие – это труд, требующий хорошего культурного и в частности литературного базиса. Иначе многие образы, метафоры, подтексты останутся непонятыми.

По-иному воспринимает жизнь украинский литературовед и поэт Дм. Бурого, для которого жизнь есть чистый холст, на котором можно изобразить что угодно, в том числе свою судьбу, свой путь в жизни. *А жизнь – лишь холст.*

Нарисованная картина жизни сродни поэтической, под которой мы понимаем индивидуально-образное преломление мира, в котором жизнь лишь отчасти напоминает реальную, но является открытием её новой ипостаси.

В поэзии любого крупного национального поэта много общего, наднационального, универсального, но много и национального, и индивидуально-личностного.

Нам, профессиональным филологам, часто кажется, что лингвист тоньше поэта понимает его текст (ср., например, анализы поэтических текстов, сделанные Н. А. Фатеевой, Р. О. Якобсоном и др.), но учёный лишь **понимает** то, что хороший национальный поэт чувствует на уровне бессознательного.

В поэзии современного украинского поэта Дм. Бурого – полифония смыслов, которая создаётся перевёрнутым мировосприятием:

*Дерево становится птицей,
птица становится ветром,
ветер становится деревом.*

*Потому что у птицы крылья ветра,
у ветра крепость дерева,
а у дерева душа птицы.*

Поэт чувствует только ещё зарождающееся дыхание жизни у всего живого, в данном случае у цветка, что сопряжено с реальной жизнью лирического героя:

*...Зажмуришься – и катится назад
Цветочный шар переплетённых вёсен,
Бунт красок переходит в буйство, жар,
Сад воскрешён и ветер светноносен!*

Мировидение поэта формируется из многих показателей: собственного опыта, своих чувств и переживаний, а также опыта его предков, закреплённого в мифах, традициях, фольклоре. Его поэтический космос разорван между реальностью и воображаемым миром:

*Надгробье – это рама.
Столетье – склеп.
Фамилия – реклама.*

В стихах обретается гармония с миром, причём создаваемая поэтическая картина мира, будучи иррациональной, как бы открывает нам этот мир, заставляя его увидеть глазами поэта: *Я не всё понимаю. / Абрикосы цветут в трамвае. / Пчёлы буйнят и бьются в жирные стёкла. / Кондуктор – свёкла, / марципаны – её пассажиры.*

В его поэтических текстах встречаются неожиданные образные характеристики различных явлений: *троп наготы, небо дружит с языком, уст потаённых пучина*; уточняются характеристики многих явлений мира (*из волшебной пустоты я вытягиваю нитки*). Созданные автором метафоры помогают ему формировать собственные представления о природе и о себе, позволяют создать определённую модель мира, выявив самые неожиданные связи между элементами мира. Не случайно философ Хосе Ортега-и-Гассет, говоря о гносеологической функции метафоры, писал: «Метафора удлиняет “руку” интеллекта» [5, с. 68]. Мы прибегаем к ней всякий раз, когда нашему интеллекту недостаточно известных соединений слов, чтобы выразить новый поворот мысли, новое видение реальности.

Дм. Бурого часто использует метафору, которая в его поэтической картине мира **многолика**: с одной стороны, она выполняет креативную функцию, фиксируя в языке некий фрагмент открытия мира (чтобы передать искрящуюся особым образом на солнце воду, он пишет: *Чёрные воды Понта / с солнцем*

играют в прятки), с другой – метафора – украшение языка: *мой город утопает в безразличье*; с третьей – способствует созданию яркого неожиданного образа мира:

*Вороны, любознательные слуги,
слетаются в бесшумные ватаги,
подстёгивая что-то у дороги,
пока хозяйка красную луну
медлительно впрягает в тишину
у неба на невидимом пороге.*

Как видим, поэтическая картина мира Дм. Бугаго – это система многомерных образов, знаний, представлений, существующих сначала в его сознании, но потом она становится достоянием всего этноса.

Иная поэтическая картина мира у крупного современного поэта Польши М. Светлицкого: *I kiedy jestem upiorem Dworca Centralnego, wędrującym brudem w neonowych światłach. (И когда я призрак центрального вокзала, блуждающего грязью в неоновых огнях)*. Он поэт-патриот, певец Родины и города.

В поэзии любого крупного национального поэта много и общего, наднационального, ведь поэзия – древнейший способ высвобождения человеческого духа, который являет собой особую энергию. Поэтический текст лишь очерчивает границы рисуемой им картины. А основные цветовые мазки накладывает читатель.

Таким образом, если языковая и концептуальная картины мира в своей основе универсальны, а их творцом является весь народ, то поэтическая – индивидуальна, она создаётся в текстах одного человека, носителя конкретного языка. Следовательно, языковая картина мира и картина мира, реконструируемая на материале поэтических текстов конкретного автора, сопоставимы, но не идентичны.

Материальным выражением поэтической картины мира являются все произведения поэта, их единое текстовое пространство. Ф. В. Шеллинг писал: «Язык сам по себе есть только хаос, из которого поэзия должна построить тело для своих идей» [8, с. 340]. Поэзия – это такой способ формальной организации слов, в результате которого не столько разъясняется смысл слова, сколько усложняется и генерируется новый, неожиданный, воспринимаемый носителями языка как открытие. В поэзии нам явлен сложный семиотический язык, а сам поэт может прорваться поэтической мыслью к основе бытия.

Язык поэзии, попадая в поле восприятия, сознание человека, творит там свой мир. Здесь проявляется креативная функция языка – поэзия творит нечто во мне и в мире посредством

языка. Воздействуя на эмоциональную сферу, поэзия её активизирует и направляет, заставляя человека совершить нечто.

Читатель, воспринимая текст, вступает с ним в диалог, примеривая к тексту своё понимание, свой смысл, т. е. видит в тексте то, что позволяет ему увидеть его опыт, настроения, это более или менее развитая эмоциональная сфера, что позволяет интерпретировать стихотворение в довольно широком диапазоне. Хотя на сегодняшний день невозможен полный учёт и научная рационализация проблем смыслопорождения, можно констатировать, что в тексте задан некий инвариант основного смысла (в том числе и эмотивного), которым многочисленные варианты направляются и ограничиваются, делая их не беспредельными.

Закключение. 1. Между концептуальной и языковой картинами мира существуют зыбкие и неопределённые границы. Общее между ними то, что обе они – не зеркальное отображение мира, а его интерпретация. Они, как считают многие исследователи, одновременно космологичны и антропологичны. Справедливости ради следует отметить, что если концептуальная картина мира в большей степени – это глобальный, общечеловеческий и всечеловеческий образ мира, то языковая картина мира в большей степени антропоцентрична, т. к. в ней присутствует человек, она отражает специфику человеческого способа миропонимания. Миропознание идёт как преодоление ошибок, поэтому концептуальная картина мира всё время уточняется, корректируется, в то время как его языковая картина мира ещё долго сохраняет эти ошибки (*атом* переводится как «неделимый»).

2. Языковая картина мира складывается в языке исторически; это совокупность представлений о мире, собираемых и складываемых в народном сознании веками; это способ организации действительности в их сознании и языке. *Языковые значения следует изучать не в прямом соотношении с предметами и явлениями мира, а на фоне картины мира, которая сокращает и упорядочивает их представления о мире.* Поэтому задача лингвистики на будущее – исследовать культурное знание как явление языкового сознания.

3. Поэтическая картина мира – вариант языковой и концептуальной картин мира. Она представляет реальность в ложном свете, изменяет её, но в то же время изображает в другом, новом измерении.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Предисловие // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Прогресс, 2006. Ч. 1. 374 с.
2. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. 2-е изд. М.: URSS, 2005. 230 с.
3. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356 с.
4. Маслова В. А. Универсальное и национальное в языковой картине мира // Русский язык в центре Европы (Банска Бистрица). 2005. № 8. С. 6–11.
5. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: АСТ, 2008. 192 с.
6. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Прогресс, 1988. 144 с.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
8. Шеллинг Ф. В. Философия откровения. СПб.: Наука, 2002. Т. 2. 480 с.
9. Bartmiński J. Podstawy lingwistycznych badań nad stereotypem – na przykładzie stereotypu „matki” // red. J. Anusiewicz, J. Bartmiński. Język a Kultura. T. 12. Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, analizy empiryczne. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1998. Pp. 63–83.
10. Chomsky N. Necessary Illusions. London: Pluto Press, 1999. 573 p.
11. Fodor J. Where is my mind? London: Longman, 2009. Pp. 27–34.
12. Grzegorzczkova R. Pojęcie językowego obrazu świata // Językowy obraz świata / red. J. Bartmiński. Lublin: UMCS, 1990. Pp. 39–46.
13. Johnsen M., Lakoff G. Metaphors we live by. Chicago: Chicago Press, 2003. 362 p.
14. Thompson J. The Media and Modernity. Cambridge: Polity Press, 1995. 428 p.
15. Van Dijk T. Text and context: explorations in the semantics and pragmatics of discourse. London: Longman, 1977. 194 p.

Статья поступила в редакцию 18.07.2019; принята к публикации 20.08.2019

Сведения об авторе

Малгожата Лучик, профессор Зелёногурского университета, Зелёногурский университет; 65–417, Польша, г. Зелёна-Гура, ул. Лицеальна, 9; e-mail: malgorzata@luczyk.pl; ORCID: 0000-0001-7770-3474.

Библиографическое описание статьи

Малгожата Лучик. Концептуальная, языковая и поэтическая картины мира: общечеловеческое, национальное и индивидуальное // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 5. С. 8–15. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-8-15.

References

1. Apresyan, Y. D. Foreword. P.1. Linguistic world model and systematic lexicography. M: Progress, 2006. (In Rus.)
2. Kolshanskii, G. V. The correlation between subjective and objective factors in language. M: URSS, 2005. (In Rus.)
3. Karaulov, Yu. N. Obshchaya i russkaya ideografiya. M: Nauka, (In Rus.)
4. Maslova, V. A. The universal and national in linguistic world model. Russian language in the center of Europe (Banska Bistriza), pp. 6–11, no. 8, 2005. (In Rus.)
5. Ortega-and-Gasset, H. Dehumanization of Art. M: AST, 2008. (In Rus.)
6. Postovalova, V. I. The world mental model in vital activity of a man. The role of human factor in language. The language and world image. M: Progress, 1988. (In Rus.)
7. Sapir, E. M. Selected writings in language and culture. M: Progress, 1993. (In Rus.)
8. Schelling, F. Philosophy of Revelation. Volume 2. SPB: Nauka, 2002. (In Rus.)
9. Bartmiński, J. Basics of linguistic research on the stereotype – on the example of the “mother” stereotype. Anusiewicz, J., Bartmiński, J., eds. Language and Culture. V. 12. A stereotype as an object of linguistics. Theory, methodology, empirical analysis. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej 1998: 63–83. (In Pol.)
10. Chomsky, N. Necessary Illusions. London: Pluto Press, 1999. (In Engl.)
11. Fodor, J. Where is my mind? London: Longman, 2009: 27–34. (In Engl.)
12. Grzegorzczkova, R. The concept of a linguistic picture of the world// The linguistic picture of the world. Bartmiński, J., Lublin, eds: UMCS, 1990: 39–46. (In Pol.)
13. Johnsen, M., Lakoff, G. Metaphors we live by. Chicago: Chicago Press, 2003. (In Engl.)
14. Thompson, J. The Media and Modernity. Cambridge: Polity Press, 1995. (In Engl.)

15. Van Dijk, T. Text and context: explorations in the semantics and pragmatics of discourse. London: Longman, 1977. (In Engl.)

Received: July 18, 2019; accepted for publication August 20, 2019

Information about author

Malgozata Luchik, D. Litt, University Professor, University of Zielona Gora; 9 Licealna st., Zielona Gora, 65–417, Poland; e-mail: malgorzata@luczyk.pl; ORCID: 0000-0001-7770-3474.

Reference to the article

Malgozata Luchik. Conceptual, Linguistic and Poetic Pictures of the World: Universal, National and Individual Features // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 5. PP. 8–15. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-8-15.